

Последнее танго в Москве

Оскаровский лауреат Владимир Меньшов закончил новый фильм про любовь и КГБ

Известия, — 2000 — 14 июня — с. 10

Железная поступь развитого социализма. Позывные программы «Время», академик Сахаров в ссылке, родные лица в Кремле, рев глушилок, кухонный ропот, драгоценное платьишко от парижского «Тати», пирамидки молочных пакетов, братские народы в тиобетейках на Красной площади. Все это, канувшее, обрывает среду фильма Владимира Меньшова «Зависть богов».

Валерий КИЧИН

Название картины — от легенды: боги позавидовали счастливым влюбленным и сделали им гадость. Влюбленные: замужняя женщина из Останкина и женатый француз-журналист. Им друг друга нельзя любить — они с разных планет. Они в мышеловке политической системы: их страсть бушует под бдительным взором КГБ.

В картине узнается рука «Москвы», которая «слезам не верит». Темы «Варшавской мелодии» скрещены с мотивами «Анны Карениной» и окрашены обертонами «Последнего танго в Париже». Это первый наш фильм, который можно считать эротическим: чувственность, страсть, забытые, танцевальные грезы, красиво. Ее играет Вера Алентова, его — Анатолий Лобозкий. Владимир Меньшов режиссер азартный, работает крупными мазками, до перехлеста. Ощущает кино как машину времени: вот они, 80-е, рядом, куда все делось? Как всегда, ему придется узнать зрительскую любовь и выслушать много разных слов от коллег и критиков. В прокатной судьбе картины я не сомневаюсь. Мне ее отвага нравится. В

контексте нынешней политической конъюнктуры ее можно было бы считать напоминанием и предостережением. Но, как ясно из разговора с Меньшовым, это в планы режиссера не входило.

Рассказывает Владимир МЕНШОВ:

— Года четыре назад меня осенила идея картины о запретной любви между тещей и зятем. Я стал искать сценариста, и мне порекомендовали Марину Марееву. У нее уже вышла «Принцесса на бобах» и заканчивались съемки «Тоталитарного романа». Первая попытка не удалась. Через год Марина принесла сценарий — в нем мне послышались отзвуки того старого замысла. Но со мною я согласиться не мог. В сюжете важную роль играет случай со сбитым в 1983 году «Боингом» — Мареева считает это решение наших военных безнравственным. Но есть вторая половина правды — ведь и международный суд не признал СССР виновным. Таких мотивов в сценарии было много. Героиня как бы стыдилась принадлежности к России: «Жить в этой стране нельзя!». Я эту мысль принять не могу.

— **Но она осталась в картине!**

— И осталась, и не осталась. Возникли две правды. Да, была богатая страна, но нечего было

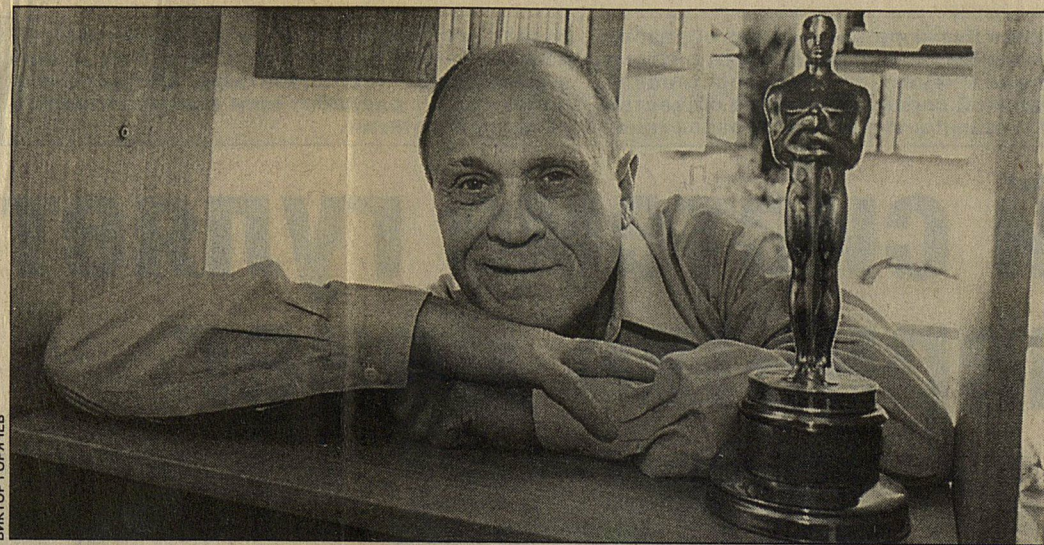
купить в магазинах. Да, у людей было достоинство. Но были и дурачки андроповские «проверки» в парикмахерских и кино: а что вы здесь делаете в рабочее время?! Все гораздо сложнее, и вмешательство мое в сценарий было очень значительным. Очень многое симпровизировано на съемках. В этом есть очарование: так родился эпизод с мальчишкой, которого забыли под дождем, не встретили родители. Вытащили парнишку из массовки, поставили в кадр, и он сделал такое лицо, что женщины схватились за носовые платки.

— **Один из первых эпизодов: герои смотрят «Последнее танго в Париже». Какую роль сыграл этот фильм в вашем замысле?**

— Никакой. Просто женщина смотрит про «буржуазный разврат», приходит в ужас, а через полгода сама оказывается в подобной ситуации. Наша картина про страсть.

— **А как же фраза «в СССР секса нет», с которой фильм спорит? Он, мне показалось, не только про страсть, но — про освобождение.**

— Пожалуй. В свое время героиня не встретила свою половину и уступила настойчивому однокурснику. Родила от него ребенка и считала, что жизнь состоялась. И вдруг встретила этого француза, узнала настоящую страсть и поняла, что по-настоящему не жила. Поэтому — да, освобождение. Только мне не хочется, чтобы его трактовали в социальном или политическом смысле.

ВИКТОР ГОРЯЧЕВ

— **Но это неизбежно. Героями руководит страх — за исключением француза, который на этом фоне прямо-таки преподает уроки свободы.**

— Если и страх, то на подсознательном уровне. Ведь это начало 80-х, уже не сажали и не расстреливали.

— **Как не сажали? У вас же есть сцена, когда милиция вламывается в квартиру и шьет дело за просмотр «порнухи» на видео. За это как раз сажали — я сам писал о людях, которые посмотрели Бертолуччи и их надо было вывозить из тюрьмы.**

— В сценарии много было такого. Но я от этих мотивов избавлялся — меня интересовало другое. Героиня нарушает моральные устои, сложившиеся в обществе, — вот что главное.

— **Расскажите о герое. Для Анатолия Лобозкого это дебют?**

— Предполагалось, что эту роль будет играть француз. Но для иностранных актеров непонятен наш способ писать сценарии — им нужны конкретные указания, а не литература. Я решил взять русского актера и не ошибся. Лобозкий — актер театра Маяковского, окончил ГИТИС у Гончарова. Кино его просто проглядело. Обычно мне приходится много показывать —

прыгаю перед актером, почти всю сцену за него играю. А он нашел очень верную интонацию, и я почти не вмешивался. У него природное чувство кино. На озвучании работал так точно, словно всю жизнь занимался дубляжом.

— **В маленькой роли французского ветерана снялся Жерар Депардь. Чтобы открыть фильму дорогу на мировой экран?**

— Эта мысль, безусловно, присутствует, но она не главная. Сначала мы договорились с Бельмондо и ждали его приезда. Но с ним случилось несчастье — он прямо на сцене упал с сердечным приступом. Тогда наш координатор предложил Депардь. И тот уже через неделю прилетел к нам на уик-энд.

— **Если звезда такого калибра соглашается на эпизодическую роль — это знак серьезного уважения к режиссеру.**

— Когда «Москва слезам не верит» получала «Оскара», на него претендовало и «Последнее метро» с Депардь. И ему было любопытно посмотреть на режиссера, который отбил «Оскара» у Трюффо.

— **Я ощущаю вашу картину как комедийную мелодраму — так?**

— Нет. По сюжету это трагедия. События в ней не случайны

и предопределены временем. Жизни героев и не могут сойтись: она не может уехать из СССР, он не может остаться. Они закрыли на это глаза, живут безумным мигмом счастья. Но вмешивается история со сбитым южнокорейским «Боингом» — и все сломано. Это трагедия.

— **В фильме есть сцены, которые назовут рискованными. Но вы их сняли «с весельем и отвагой победителей», поздравляю.**

— Это была главная трудность: как решить сцены эротические... нет, выше — страсти? Именно страсть охватила этих людей. Они встретились глазами — и с ними случился солнечный удар! Что-то вошло в жизнь такое, чего они еще не знали. Надо было преодолевать собственное сопротивление, с актрисой бороться... Актер, к счастью, был безукоризненным. Он все делал без грана пошлости. Ведь бывает: шутка какая-нибудь дурацкая проскочит от неловкости или глупости — и сразу все испортит. Но все вели себя идеально — и актер, и группа.

Для меня важно, что я остаюсь верен своему принципу: каждая картина — новая. Наверное, зрителю «Зависти богов» трудно будет предположить, что ее сделал автор «Ширли-мырли».